

Западноевропейские заимствования в говорах русского Севера (названия лиц)

Заимствования западноевропейского происхождения в севернорусских говорах большей частью представлены словами, относящимися к области корабельной, морской, столярной терминологии, лесному и сельскому хозяйству (так же, как и в литературном языке).

Наряду с этой традиционной группой заимствований можно выделить еще группу слов, называющих человека по различным признакам. Заимствования западноевропейского происхождения, относящиеся к наименованиям лица, можно разделить на следующие тематические группы: 1) слова, называющие людей по профессии, роду деятельности, занимаемой должности: **бригадёрка**, **бугальтерник**, **лочий**, **нагельщик**, **шкипарь** и др.; 2) слова, называющие лицо по национальности, принадлежности к стране, государству: **агличкой**, **норвег** и др.; 3) названия-характеристики по внешним признакам или поведению: **ки́нзель**, **рёкан**, **шкапоті́на**, **шля́пница** и др.

Названия человека интересны не только своеобразием своей структуры и семантики, но и тем, что эта лексическая группа иллюстрирует сложность процесса заимствования и адаптации иностранных слов в севернорусских говорах. Поэтому целесообразна и классификация наименований лиц по способу проникновения западноевропейских заимствований в эти говоры. В этом случае слова распределяются следующим образом: 1) прямые заимствования из языка-источника, появившиеся в результате непосредственного контакта с иностранцами (**асей́ка**, **шмерц** и др.); 2) литературные западноевропейские заимствования, подвергшиеся фонетическому, словообразовательному, семантическому диалектному освоению (**бугальтера**, **дробан**, **ки́нзель**, **шкипарь**), а также собственно диалектные слова, образованные на базе литературных заимствований (**бондарёц**, **каю́тник**, **нагельщик**, **шкапоті́на**, **шля́пница**).

Исследуемый материал представлен в статье согласно этой классификации. Материалом для исследования послужили данные лексической картотеки кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета (ЛК СТЭ), диалектных словарей, а также данные С.В.Максимова (Максимов I-II).

Группу названий, являющихся прямыми заимствованиями из языка-источника, представляют следующие слова:

Асей, **асей́ка** 'иностранец, особенно англичанин; насмешливое прозвище англичан' (СРНГ I, 283; Подвысоцкий, 2; Даль I, 26). Из англ. I say "я говорю" (Фасмер I, 93). Оценочность данного образова-

ния выделяется на фоне других нейтральных диалектизмов, называющих англичан: *аглича́нин* и *а́гличкой / а́гличкий* (см. подробно далее).

Лбо́ца 'лоцман' (СРНГ XVII, 164; Подвысоцкий, 84). Вероятно, от голл. *loods* 'лоцман' (Фасмер II, 525).

• **Лбо́чий** 'лоцман' – *Едет-де царь морем, так шестнадцать человек ему лочцев (лоцманов) надо* (Максимов I, 327). Слово образовано, вероятнее всего, от голл. *loods* по аналогии с *кормчий, стряпчий*.

• **Лу́кман** 'лоцман' (СРНГ XVII, 189; Подвысоцкий, 84). Этот диалектный вариант может являться прямым диалектным заимствованием из английского языка, ср. предполагаемое *lookman*, что могло означать 'смотрящий, наблюдатель'.

• **Норве́г** 'житель Норвегии' – *Живут норвеги весело* (Максимов I, 299); *Норвег на святое слово твое верит, ему и задатку не надо* (Там же). Образовано от названия страны *Норве́гия*, *диал. Нордвёга, Норве́г, Норг* (СРНГ XXI, 278–279) < нем. *Norwegen* 'Норвегия' или ср.-лат. *Norwegia*, которое происходит из др.-исл. *Nóregr* 'Норвегия' от **Norverg*, букв. 'северный путь' (Фасмер III, 83). Примечательна соотносительность слов *норве́г* 'житель Норвегии' и *Норвёг* 'Норвегия; норвежский берег, норвежская земля'. Возможно, *норвёг* – результат контаминации диалектного *Норг*, которое можно считать прямым диалектным заимствованием, и литературного *Норве́гия*. Возможен и перенос названия страны на ее жителя.

• **Норвежа́нин** 'житель Норвегии' (СРНГ XXI, 279). Произведено от названия страны при помощи суффикса *-анин* по модели образования существительных со значением 'житель какой-либо местности', очень продуктивной в севернорусских говорах, ср. *опежа́нин* < *Опе́га*, *пинежа́нин* < *Пи́нега*. Наименование *норвежа́нин* образовано, вероятнее всего, от диалектного топонима *Норвёга*.

• **Ро́кан** 'прозвище жителя Терского берега Мурманской области' – *Так рокамама нас и зовут Кашкарапцы: Рокама, рокина, у вас непарны рукава (дразнилка)* (Меркурьев, 135) < *ро́кан* 'непромокаемый рыбацкий костюм, плащ, куртка'. Вероятно заимствование из сканд., ср. шв. *rocken* 'сюртук' (Фасмер III, 497). Ср. также *ро́кан* 'камзол, поддевка' (Куликовский, 101). Прозвище *ро́кан* является метонимическим переносом. Форма заимствования при семантической адаптации изменений почти не претерпела.

• **Щме́рц** 'насмешливое прозвище немца' – *На семь шмерцев один русак* (Куликовский, 138) < нем. *Schmerz* 'скорбь, боль', возможно, по созвучию немецкого слова с рус. *смерд* 'крестьянин' (Фасмер IV, 459). Заимствование *шме́рц* аналогично заимствованию *асе́й, асе́йка*. Это слово в речи немцев могло относиться к деталям русской жизни, вызывающим негативную оценку со стороны иностранцев. Из-за частого употребления немцами этого слова оно могло запомниться диалектоносителям и войти в лексикон со значением 'немец'. Оценочный отте-

нок слова обуславливался неизвестностью его значения и пренебрежительным отношением к иностранцам.

Шнячник 'тот, кто строит шняки'; 'насмешливое прозвище, даваемое поморами жителям Колы (намек на плохую постройку ими шняк)' (Подвысоцкий, 193). Диалектное образование от **шняка** < др.-сканд. *snēkkja* 'длинное судно', шв. *snäcka*, ср.-н.-нем. *snicke* (Фасмер IV, 462). Производящее является заимствованием, которое встречается в древнерусских летописях еще в XI–XII вв. (Там же). В словарях современного литературного языка это слово дается с пометой *обл.* (ССРЛЯ XVII, 1500) или с прямым указанием местности ('небольшое гребно-парусное судно на Белом море и у Мурманского побережья' – СИС, 691). Слово активно бытует в севернорусских говорах в различных вариантах: **шнека**, **шнека́**, **шня́ка**, **шняк**. А.Подвысоцкий считает, что **шня́ка** "старинное норманское слово, перешедшее в норвежский язык, а оттуда в архангельское наречие" (Подвысоцкий, 193).

Известно, что лексика говоров пополняется и обновляется за счет освоения заимствований из литературного языка, где процесс фонетического, морфологического и семантического освоения уже завершен. Попадая в говор, слова подвергаются вторичному освоению, которое происходит под влиянием языковых процессов, действующих в данном говоре. Среди севернорусских заимствований западноевропейского происхождения, называющих лицо, есть и лексемы, вошедшие в эти диалекты из литературного языка.

Следует различать: а) наименования с внешним переоформлением слова без изменения семантики; б) наименования, форма которых не претерпела изменений, но значение слова в говоре получило развитие; в) слова, подвергшиеся изменениям как в плане выражения, так и в плане содержания.

Четко разделить заимствования из литературного языка по вышеперечисленным признакам не представляется возможным из-за широкой фонетической, морфологической и семантической вариативности в рамках одной лексемы: см. **аглича́нка**, **драба́нт**, **ры́нда**, **шкя́парь**.

Одной из особенностей освоения диалектом литературных заимствований является образование собственно диалектных словообразовательных производных. В севернорусских говорах выявлен ряд словообразовательных вариантов, относящихся к наименованиям западноевропейского происхождения, обозначающим человека по различным признакам.

Среди производных наименований, образованных от литературных заимствований западноевропейского происхождения, выделяются: а) наименования лиц, образованные от наименований лиц, при этом значения производного и производящего тождественны: **бондаре́ц**, **бонда́рник** < **бондарь**; **буга́лтерник** < **бухгалтер**. Аффиксы в диалектных

производных избыточны в семантическом отношении; б) наименования лиц, образованные от наименований предметов, связанных с деятельностью человека: *каю́тник* < *каю́та*; *на́гельщик* < *на́гель*; в) наименования со значением 'лицо женского пола', образованные от заимствований, которые в литературном языке имеют одну форму для обозначения лица мужского и женского пола: *бригади́рка* < *бригади́р*, *бухгалте́ра* < *бухгалте́р*; г) наименования, образованные путем метафорического переноса, характеризующие человека по внешним признакам и поведению: *ки́изель*, *кре́дель*; д) наименования, появившиеся в результате метафоризации и являющиеся словообразовательными производными: *шкапо́тина*, *шля́пница*.

● Аглича́нин 'англичанин' (СРНГ I, 202). Лит. англичанин образовано от прилагательного *англицкий*, в основе которого лежит польск. *anglik*, по аналогии *галицкий* – *галичанин* (Фасмер I, 78). Диал. аглича́нин почти полностью соответствует литературному за исключением выпадения носового на месте стечения согласных. Выпадение носового наблюдается и в других диалектных словах: *аглича́нка*, *а́гличкой* / *а́гличкий*.

● А́гличкой / а́гличкий 'англичанин и вообще англичане' – *Баяли, агличкой и в нашу задвенную сторону сбирался* (Подвысоцкий, 1); *Да виш, агличкой в летошний год приходил, – баловал шибко* (Максимов I, 30); *Рыбишка-то агличкова тоже не слушалась; ее-то ему не пропустить нельзя было* (Там же, 31); *Агличкие, что в город на кораблях ходят, те, пожалуй, вон с утра до вечера пьяны* (Там же, 96); *...да как хлопнет, что агличкий из нушки* (Там же, 106). Субстантивированное прилагательное является результатом диалектного фонетического освоения *англицкий* (упрощение групп согласных, неразличение *ц* и *ч*). Явление субстантивации прилагательных, обозначающих принадлежность лица к какому-либо району, местности, достаточно распространено в говорах русского Севера. В этот ряд можно поставить и субстантив *русский*.

● Аглича́нка '1. англичанка; 2. Англия; 3. собира́т. англичане' (СРНГ I, 202); 'английские войска' – *Как аглицянка была, палила оак; Все аглицянка сожсгала; Приходила агличанка, хотела сожыгать Соловки* (АОС I, 63). Одно из значений слова является фонетической адаптацией литературного *англичанка* 'жительница Англии'. Семантика диалектного слова полностью соответствует семантике литературного. Но наряду с освоением говором литературного значения существуют и другие значения, являющиеся результатом семантической деривации. Собира́тельное значение слов *а́гличкой* и *аглича́нка* свидетельствуют о генерализации значения, развитии его от единичности к множественности. При этом имеет место употребление форм единственного числа с собира́тельным значением как отражение процесса, характерного для диалектов.

• **Бондарец** 'бондарь' – *Бондари были, бондарцы, кадки делали* (СРГК I, 96) < бондарь < бодня 'кадка, бочка', которое восходит к *bъdъna / *bъdъnъ < герм. *budin-, ср. нов.-в.-нем. Bütte 'кадка' или заимств. через польск. bednarz из ср.-в.-нем. butenare 'бондарь, бочар' (Фасмер I, 192). Образовано по древней словообразовательной модели с суффиксом -ы (ср. купец, швец). Смыслового значения суффикс не имеет. Ср. бондарник, бугалтерник.

• **Бондарник** 'то же, что бондарец' – *Бондарники бочонки делали поо масло* (СРГК I, 96). Произведено от бондарь (см. выше). Аффикс -ник в семантическом отношении избыточен.

• **Бригадирка** 'женщина-бригадир' – *Бригадирка у нас хорошая, без нее бы все развалилось* (СРГК I, 114) < бригадир < нем. Brigadier (Фасмер I, 213). Слово образовано по модели на -ка. Ср. лит. бригадирша.

• **Бугалтера** 'женщина-бухгалтер' – *Она была бугалтерой в Орхангельском* (АОС II, 156) < бухгалтер < нем. Buchhalter (Фасмер I, 255). Существительное образовано безаффиксным способом с изменением нулевой флексии на -а. В производящей основе произошло фонетическое изменение: выпадение х на месте скопления двух заднеязычных хг, что является устранением несвойственной русскому языку сочетаемости звуков.

• **Бугалтерник** 'бухгалтер' – *Кто каким-ле бугалтерниками* (АОС II, 156) < бухгалтер (см. предыдущее слов). Образовано суффиксальным способом от непроеизводной основы. Употреблен словообразовательный формант -ник, который не несет в себе смысловой функции.

• **Драбант, дробант, дробан** 1. 'человек крупного телосложения' – *Погляди-ко сюды, дробан-то идет. Вот уж непраский-то!* (СВГ Д-3, 54); 2. 'шалун, озорник, драчун' – *Вот я вам, драбанты!*; *А вник у меня дробант – каждый день с сисякам* (Там же) < драбант 'телохранитель' < нем. Drabant (Фасмер I, 533). Изменение а > о в безударной позиции – гиперкорректное оканье. Появление формы дробан, возможно, под влиянием одной модели диалектных слов иноязычного происхождения: арестан, дипломан, где производящая основа предстает в усеченном виде. Первоначальное значение 'телохранитель' говором не отражается: либо оно утрачено, либо отсутствовало в диалектной семантике слова. СРНГ дает значение, более близкое первоначальному: 'здоровый, рослый человек' (с примеч. "из прислуги") (СРНГ VIII, 168). Все диалектные семантические варианты сохраняют мотивированность первоначального значения: 'слуга; физически крепкий, рослый человек; драчун'.

• **Каютник** 'бурлак, судорабочий' (СРНГ XIII, 156) < каюта < нем. Kajüte, голл. kajuit (Фасмер II, 216). Слово образовано от существительного, называющего предмет, с которым связана деятельность человека, наименования, характеризующего лицо по месту обитания – каюта при помощи форманта -ник.

● **Кинзель** 'толстый, неповоротливый человек' – *Брат у меня был здоровый такой, его или кинзелем, или центнером звали* (ЛК СТЭ). Перен. к **кинзель** в значении 'дерево, используемое для изготовления киля – кинзеля'. Форма **кинзель** возникла из формы **кинсель** / **кинцель** в результате межслоговой ассимиляции по звонкости. **Кинсель** < **кильсон** – результат метатезы согласных звуков и изменения качества гласного. **Кильсон** 'продольный брус, который кладут поверх киля внутри судна' < англ. *keelson* (Фасмер II, 233). Значение наименования, относящееся к лицу, является результатом метафорического переноса с отрицательной оценкой.

● **Крепдель** 'о хвастливом человеке, подбоченившемся напоподобие ферта' – *Ишь ты, какой крепдель!* (СРНГ XV, 213) < нов.-в.-нем., н.-нем. *Kringel, Krengel*, ср.-в.-н., ср.-н.-нем. *kringel* 'то же' (Фасмер II, 371). Вторичное значение слова появилось в результате метафоризации. Ср. **кинзель**.

● **Лоцман** 'сильный, здоровый парень' – *А этот што, такой лоцман, а нигде не работает* (ЛК СТЭ) < голл. *loodsman*, ср.-н.-нем. *lotsman* от англ. *loadsman* (Фасмер II, 525). Литературный вариант слова **лоцман** получил семантическое развитие в севернорусских говорах. Контекст иллюстрирует не только новое значение заимствования, но и его экспрессивный оттенок значения: не только физически крепкий человек, но и лентяй.

● **Нагельщик** 'тот, кто делает нагели' (СРНГ XIX, 197) < **нагель** 'деревянный гвоздь' < голл. *nagel* (Фасмер III, 36). Образовано от существительного – наименования, характеризующего лицо по предмету – продукту производства (**нагель**) при помощи форманта **-щик**.

● **Рында, рынь** 1. 'кто-либо, некто' – *Хоть трудно было – не рында, люди все делали; Я не сделаю, рында за меня не сделает* (ЛК СТЭ); 2. 'брань неопределенной семантики' – *Че-нить плохое сделает кто – "ой ты, рында, чево делаешь-то!* (ЛК СТЭ); 3. 'черт, нечистый' – *Рынь его (душу) знает* (ЛК СТЭ) < **рында** 'оруженосец, телохранитель'. Трудное слово, явно иноязычного происхождения. Ср. **рындель** 'знаменосец' (Даль IV, 118). Возможно, из ср.-н.-нем. *ridder* 'рыцарь', см. также **рыддель**, **рытор** (Фасмер III, 527, 529). Прямое значение севернорусских диалектов не отражено, вторичное значение развивается по цепочке: 'слуга' → 'холоп' → 'некто' → 'плохой' → 'нечисть'. Степень абстракции возрастает до полного исчезновения семы 'человек'. Ср. развитие диалектного значения слова **драбант**: '(телохранитель)' → 'слуга' → 'драчун' → 'плохой'. Значение также становится более абстрактным. Обращает на себя внимание совпадение литературных значений слов **драбант** и **рында**.

● **Шкапотина** 'о полной невысокой женщине' (ЛК СТЭ) < **шкап** < ср.-н.-нем. *schsap(p)* 'шкаф' (Фасмер IV, 446). Несмотря на первичность формы **шкап** в немецком языке, нельзя утверждать, что присутствие в

севернорусских говорах форм этого слова (ср. *шкап*, *полушк^ап*) объясняется их прямым заимствованием. Русские диалектные варианты являются результатом освоения литературного *шкаф*. Замета *ф* на *п*, встречающаяся при освоении севернорусскими диалектами иноязычных слов, – явление довольно распространенное. Ср. *порель* 'форель' (ЛК СТЭ) < нов.-в.-нем. *Forell*, д.-в.-н. *forhana* (Фасмер IV, 203). Возможно диалектами была усвоена и сохранена устаревшая литературная форма *шкап*. Производящее слово *шкап* в прямом значении не содержит оценки предмета, но в результате метафорического переосмысления значения оно становится экспрессивным. В слове *шкапотина* выделяется экспрессивный формант *-отина*, нередко встречающийся в диалектной лексике (ср. *стонотина*, *страмотина*) и обладающий большей степенью экспрессивности, чем, например, формант *-ина*.

❖ *Шкипер*, *шкипарь* 'человек, руководящий гонкой плотов' (ЛК СТЭ) < нидерл. *schipper*. ср.-н.-нем. *schippere*, ср.-в.-н. *schifhërre* (Фасмер IV, 449). В формальном отношении различается два варианта: соответствующий литературному – *шкипер*, и подвергшийся фонетикоморфологическому освоению со стороны говора – *шкипарь*: произошло изменение мягкости согласных: *п'* – *п*; *р* – *р'*; изменение качества гласного в заударной позиции, что обусловлено влиянием продуктивной русской модели образования названий людей по профессии (*пекарь*, *пахарь*, *токарь* и т.д.), распространившейся и на литературные заимствования. Литературное значение слова 'командир несамоходного речного судна' трансформировалось под влиянием внешних факторов, в частности, актуальности лесосплавных работ для населения русского Севера. Однако, вторичное значение сохраняет общую сему в слове: 'человек, руководящий передвижением по воде'.

❖ *Шляпница* 'модница' – *Шляпницы были модницы, они шляпы носили* (ЛК СТЭ) < *шляпа* < бав. *Schlappe* 'чепец, шапка', ср.-в.-н. *slappe* 'свешивающаяся часть головного убора', 'вид мягкой шляпы' (Фасмер IV, 456). Экспрессивное образование, произведено с помощью форманта *-ниц-а*, образующего существительное со значением 'лицо женского пола'. Можно предположить такую последовательность развития значения: *шляпница* 'та, которая носит шляпу' – первичное значение слова. Вторичное значение экспрессивное, выражающее представление говорящего: 'если носит шляпу, значит, модница'. С другой стороны, соответствие словообразовательной модели *шляп-ниц-а* / *мод-ниц-а* может свидетельствовать о прямой модели словообразования *мода* – *модница*, *шляпа* – *шляпница*. Влияние литературного производного *модница* на диалектное производное *шляпница* очевидно не только в семантическом, но и в словообразовательном отношении.

Рассмотренный материал – наименования со значением лица западноевропейского происхождения – дает возможность проследить пути проникновения заимствований в севернорусские диалекты, а также

характер их фонетического, словообразовательного и семантического освоения в говорах. Данная лексическая группа показывает словообразовательные возможности диалектной лексики и позволяет увидеть некоторые особенности семантики этих слов, в частности, не только появление вторичных значений, но и дальнейшее их развитие в сторону отрицательной оценки.

Е.Б.Берг

Собственно русские названия танцев в составе хореографической терминологии

Названия танцев представляются наиболее интересной для анализа частью хореографической терминологии как по причине своей общеупотребительности, так и из-за неоднородности происхождения. Насколько разнообразны пути проникновения реалии (танца) в быт и культуру народа, настолько разнообразны и пути проникновения слова в язык. Выделяются две основные группы танцев и соответствующих названий с точки зрения происхождения: собственно русские и заимствованные. Хотя при детальном рассмотрении выясняется, что происхождение танца и его названия не всегда соответствуют друг другу. Так, *миньон* – русский парный бальный танец (ССРЛЯ VI, 1031) < франц. *mignon* < *mignon* букв.: 'крошечный' (СИС, 323). *Паденатиньер* – русский парный бальный танец (ССРЛЯ IX, 25) < франц. *pas de ratinier* 'танец конькобежцев' (СИС, 363). В этих случаях название русского танца заимствуется из другого (французского) языка. Напротив, *лезгинка* – лезгинский народный танец (ССРЛЯ VI, 137; СРЯ II, 172), тогда как слово, употребляемое для его обозначения, собственно русское, образованное на базе словосочетания *лезгинский танец* (Шанский, 237). *Сербиянка* – цыганский народный танец быстрого темпа (ССРЛЯ XIII, 667; СРЯ IV, 78), название же образовано, очевидно, от рус. *сербияне* (*устар.*) 'сербы' (СРЯ IV, 78). Особый случай в ряду таких примеров *цыганочка* – название русской народной песни, а также пляски под мотив этой песни (ССРЛЯ XVII, 725; СРЯ IV, 649). Русское название (образованное с помощью суффикса *-очк* от *цыган*) имеет русская пляска, сложившаяся под влиянием цыганских танцев.

Таким образом, в некоторых случаях нельзя говорить об общем пути проникновения танца и его названия. Но количество таких примеров невелико, в большинстве случаев наблюдается полное соответствие происхождения реалии и слова. Поэтому с точки зрения языка закономерно разделение всей группы названий танцев на два блока: собственно русские названия и заимствования. Они неравны в количественном отношении: заимствований намного больше. Однако и сравни-